

угорских племен Восточной Европы с саками Северного Кавказа и Сибири, об установлении отношений с древними центрами Причерноморья (статья К. А. Смирнова), об активных торговых и культурных связях между различными финно-угорскими племенами, населявшими обширную область европейского Севера до Урала в эпоху бронзы (VI—IX вв.) и раннего средневековья (X—XIV вв.), складывавшихся не без влияния древнерусских государств (статья Е. А. Рябинина). И в этот период в области материального производства, в частности в гончарном и ювелирном деле, ощущается явное влияние тюркской культуры, носителями которой могли быть булгары, соседствующие с пермячками племенами, ставшими своего рода посредниками в дальнейшей экспансии элементов культуры Востока (статьи А. Л. Хирвилото, И. Лехтинен, Л. Томаптер). И. Лехтинен использует в своих исследованиях методику изучения одежды, разработанную советскими учеными В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Т. А. Крюковой, показавшими ее значение как ценнейшего исторического источника. В данном сборнике И. Лехтинен посвятила статью описанию орнамента женской одежды и головных уборов у горных марийцев и чувашей. Подчеркнув сходство его по функциям и технике исполнения со среднеазиатским (казахским, туркменским, и каракалпакским), автор объясняет это сходство общностью происхождения: оба типа орнамента возникли под влиянием скифско-сарматской культуры, воздействовавшей на культуру финно-угорских народов через волжских булгар.

Материалы симпозиума «Следы центральноазиатской культуры на Севере» дают представление о том, как пестрый этнический массив огромной территории Евразии, через которую проходил когда-то «шелковый путь» или его ответвления, находился в состоянии постоянного культурного брожения, а также о том, что контакты финно-угорских народов со скифскими, тюрко-монгольскими и другими народами и культурный обмен как следствие этих контактов восходят к глубочайшей древности и следы его сохраняются до наших дней. Таков самый общий вывод, возникающий после прочтения сборника. Как обычно бывает на международных встречах, председатель симпозиума А. Эра-Эско при его открытии и в предисловии к сборнику выразил надежду на успешное и более тесное и плодотворное сотрудничество советских и финских исследователей в будущем (с. 9). Чтобы это пожелание не превратилось в расхожую ритуальную фразу, хотелось бы в свою очередь пожелать, чтобы в будущем с советской стороны было проявлено больше внимания к теме предстоящих симпозиумов и чтобы в них приняло участие больше ученых, которые могут сказать свое слово именно в соответствии с поставленными проблемами.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. Р. Кабо. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. 303 с.

Книга В. Р. Кабо посвящена общине — одной из важнейших проблемных тем этнографической науки. Книга представляет собой обширное историко-этнографическое исследование общинных структур охотников-собираателей всех регионов мира. Здесь охарактеризованы по единой программе социальные структуры, хозяйственная деятельность и быт этносов, сохранивших до недавнего времени «присваивающие» формы ведения хозяйства. В центре внимания автора — самые ранние формы социальной организации, фиксируемые этнографическими источниками. Это прежде всего охотничье-собираательская община как пример социальной адаптации первобытных коллективов к различным условиям хозяйственной деятельности в разных экологических средах, определивших многообразие элементов материальной и духовной культуры, с одной стороны, и однотипность социальных основ их существования — с другой.

Книга обобщает обширные этнографические материалы по общинной организации у охотников и собирателей Австралии и Тасмании, Юго-Восточной и Южной Азии, Центральной, Южной и Восточной Африки, Южной и Северной Америки. Отдельные главы посвящены сравнительному анализу материалов по археологии палеолита и социальным процессам, связанным с переходом от присваивающего к производящему хозяйству. Обобщение и теоретический анализ привлекаемых материалов впервые дают возможность увидеть за внешним многообразием явлений глубинные, закономерные связи, выявить универсальные черты, присущие первобытной доземледельческой общине, в каких бы пространственно-временных условиях она ни находилась. К этим универсалиям относятся такие явления, как внутренняя мобильность общины, сбалансированность тенденций к дисперсии и концентрации, подвижность и оседлость, цикличность и флуктуация как факторы устойчивости всей системы, периодическое распадение общины на хозяйственные и целевые группы, территориальность общины и гибкость социально-территориальной организации, зависимость численности и относительной стабильности общины от условий производства, общинная собственность на землю как основное средство производства, сочетание коллективизма с элементами социальной неоднородности. Проанализирована связь общинной организации с другими социальными институтами. Отмечено значение родового или родственного ядра общины, ее соотношения с формирующимся племенем. Подчеркнуто методологическое

значение универсальных аспектов общины для реконструкции археологической первобытности. Община рассматривается как основная социально-экономическая ячейка первобытного общества.

В изучении общины еще немало спорных моментов. В частности, заметные разногласия существуют в трактовке взаимодействия рода и общины. Одни исследователи рассматривают родовую (кровно-родственную) организацию в качестве изначальной формы, в основном совпадающей с родовой общиной, другие, напротив, для ранней стадии четко их разделяют и считают общинную организацию первичной, изначальной. Именно такую точку зрения и проводит автор книги, широко используя для ее обоснования самый разнообразный этнографический и отчасти археологический материал. Его главный вывод: «Община находится в сложном диалектическом единстве с такими формами социальной организации, как род, семья, хозяйственная группа, племя, с разнообразными общественными и производственными группировками внутри и вне общины, но она не тождественна им» (с. 16).

Автор, однако, слишком нарочито, с первых же страниц книги проводит свою основную идею о доминирующем положении охотничье-собираательской общины, определяющей существование и функционирование других компонентов социальной организации (рода, семьи, хозяйственных, целевых групп и т. п.). Справедливый по сути, этот тезис как бы постулируется с самого начала книги, еще до того, как он будет доказан в процессе развернутого этнографического исследования.

Следуя за М. М. Ковалевским и особенно за Н. И. Зибером, автор рассматривает хозяйственную деятельность охотников-собираателей в качестве основной формообразующей силы в социальных процессах, развивающихся в недрах первобытного общества. В. Р. Кабо полностью разделяет тезис Н. И. Зибера о том, что «не род создает общину, а община — род».

Подчеркивая очень важную производственно-экономическую, жизнеобеспечивающую роль общины, автор отмечает диалектическую связь общинных и родовых структур: «Сформировавшись на основе общины, род затем сам выступает как социально-организующий и регулирующий институт» (с. 11). По его мнению, община и род — две взаимосвязанные стороны социальной организации охотников и собирателей, осуществляющей производство средств к жизни и воспроизводство самого человека.

Под этим углом зрения В. Р. Кабо рассматривает обширный этнографический материал, характеризующий охотников-собираателей разных континентов. В гл. I и II им проанализирован образ жизни и социальная организация тасманийцев и австралийцев-аборигенов. В свое время автор посвятил им специальные монографические исследования¹. Здесь же он как бы подвел итоги этим исследованиям, что делает текст глав особенно ценным в теоретическом плане.

Судьба тасманийцев трагична. Они были истреблены европейцами в конце XIX в., но сохранились описания, которые рисуют образ жизни людей с очень архаичными формами культуры и социальной организации. По мнению В. Р. Кабо, уровень их развития соответствовал обществу позднего палеолита. Тасманийцы вели охотничье-собираательское хозяйство небольшими бродячими группами семей, численность которых не была постоянной, а подчинялась интересам охоты и собирательства, сезонным передвижениям в поисках пищи, а также регулировалась интересами родственных взаимосвязей. Более крупные группы были зафиксированы у полуседлых обитателей морских побережий, где собирательство «даров моря» (моллюсков, крабов), рыболовство и тюлений промысел в большей степени, чем охота и собирательство, способствовали концентрации населения (с. 23).

Отмечая эти хозяйственно-культурные различия отдельных групп тасманийцев в XVIII—XIX в., автор, с моей точки зрения, напрасно не связал их более тесно с процессом формирования двух хозяйственно-культурных типов. Главное внимание он уделил социальной структуре. Тасманийское общество, по его мнению, делилось на локальные, хозяйственные (объединяющие несколько семей) и целевые (половозрастные) группы. Хозяйственные группы — это «община в действии». Они формировались на основе охотничье-собираательской общины, которая обладала динамичностью и могла в зависимости от производственных (охотничье-собираательских) интересов изменять свой состав, делиться на отдельные группы. Модель «община → хозяйственная группа → община» была характерна как для тасманийцев, так и для их соседей — австралийцев, близких к тасманийцам по уровню развития и условиям жизни (с. 33).

Австралийцы-аборигены — классическая тема этнографической науки, достаточно широко освещенная в литературе. Однако, как отмечает автор, общинные структуры у них изучены менее других общественных форм. Наибольшее число работ посвящено роду и семье. В. Р. Кабо выделяет работы таких исследователей австралийской общины, как Дж. Уилер (1910), А. Кнабенханс (1919), Д. Дэвидсон (1926), Н. Тиндейл (1974). Они рассматривают локальную группу или общину австралийцев, обладающую самоназванием и самосознанием, в качестве основной социальной общности, владеющей сообща территорией с природными ресурсами и не зависящей от других групп. На основе этих материалов В. Р. Кабо делает вывод о том, что локальная группа или община была самой ранней, исходной формой организации австралийского общества, формой активной адаптации общества охотников-собираателей к условиям среды. Главной задачей общины является экономическое освоение территории (с. 80). Численность состава отдельных общин в пустынных районах Австралии не превышала 25, а в приморских — 50—100 человек. Локальная группа состоит из вирилокальных семей, муж-

¹ Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969; его же. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.

чин и незамужних женщин, принадлежащих к группе по рождению, а также жен, пришедших в основном из других групп. Каждая локальная группа — собственница определенной территории со всеми ее природными ресурсами, религиозно-культурными центрами и святыщами.

В. Р. Кабо достаточно полно осветил особенности хозяйственной деятельности, различные функции и структуры общины австралийцев-аборигенов, но не в полной мере раскрыл соотношение общины и рода. На с. 72—73 он упоминает общины двух типов: локально-родовую (гомогенную) и гетерогенную, однако характеризует родовую структуру австралийцев-аборигенов и ее соотношение с общиной очень скупо, без конкретных примеров. Следует отметить, вместе с тем, что это не является предметом специального исследования в книге.

Более аргументированно выглядят разделы, посвященные характеристике австралийского племени, которое, по мнению В. Р. Кабо, представляет собой совокупность нескольких общин. Объединены они не политической (потестарной) властью, а самосознанием, взаимопонятным языком. Это, прежде всего, лингвистическая, этнокультурная и генетическая общность. Но в структурном отношении австралийское племя аморфно. Нередко это не более чем зона, информационные связи внутри которой интенсивнее, чем за ее пределами (с. 81).

Поэтому В. Р. Кабо считает, что именно община, а не племя и не род, является основной стабильной организованной социальной общностью (с. 81). Автор подкрепляет свои выводы ссылками на таких авторитетных исследователей-этнографов, как М. Меггит и Н. Тиндейл. Представляется справедливым вывод В. Р. Кабо о двойственности этнического самосознания у австралийцев-аборигенов. «Община,— пишет он,— является как бы первичной этнической общностью, племя — вторичной, формирующейся» (с. 81). Автор приводит мнения некоторых исследователей, которые предлагают отказаться от термина «племя». Так, согласно Т. Стрелову, аранда западные и северные — не более чем лингвистические общности. Во многих районах Австралии, где живут аборигены, зафиксировано явление межплеменной лингвистической непрерывности. Все эти факты, по мнению В. Р. Кабо, подчеркивают значение общины как основной социальной общности у австралийских охотников-собирателей (с. 81).

Главы III—V посвящены общинным структурам охотников-собирателей Азии, Африки и Америки. Главы эти исравноценны, так как автор имел дело с очень разнородным и разновременным этнографическим материалом, включая, однако, и новейшие источники, материалы экспедиций последних десятилетий. Автор обращает внимание на то, что в жарком поясе, в глухих и лесных районах Азии и Африки изобилие ресурсов животной и особенно растительной пищи способствовало сохранению архаических черт хозяйственной присваивающей деятельности и социальной организации, основанной преимущественно на коллективизме в добычании и распределении жизнеобеспечивающих продуктов при отсутствии имущественного и социального расслоения.

Рассматривая чрезвычайно важный в наши дни вопрос о взаимодействии человека с окружающей и питающей его средой, автор в некоторых случаях некритично использует довольно распространённую в западной литературе точку зрения о гармоничности этих взаимодействий, представляющих собой «динамическую систему, стремящуюся к равновесию» (с. 80, 107 и др.). Специальные эколого-этнографические исследования образа жизни и хозяйства охотников-собирателей (например, в экстремальных полярных условиях)² не подтвердили тезиса о «гармоничном» или «равновесном» балансе взаимодействий среды и общества. Однако В. Р. Кабо прав в своем основном выводе, что охотничье-собирательская община стала как бы ответом «общества на вызов естественной среды, как орудие преодоления среды и сохранения общества» (с. 82). Многообразие среды способствовало формированию различных хозяйственно-культурных типов, и об этом автор пишет в своем заключении (с. 261).

К достоинствам монографии В. Р. Кабо следует отнести также попытку представить доземледельческую общину (или группу родственных общин) в качестве первой исторически наиболее ранней этнической общности (с. 261). Это весьма ответственный вывод, поскольку вопрос о стадийно-типологической единице этнического состояния на ранней стадии развития человечества еще далек от решения. Попытки некоторых исследователей решить проблему, используя такие понятия, как «формирующиеся этнические группы» (В. Ф. Геннинг), «предэтнические общности» (Я. В. Чеснов), «прото-этнос» (В. А. Шнирельман), не могут быть признаны удачными. Их применение заставляет отказаться от универсальности самого общего понятия «этнос». Они формальны и не связаны органически с социальной структурой первобытного общества. Если же принять позицию В. Р. Кабо, то появляется реальная возможность построить типологическую цепочку этнических общностей начиная не с верхних этажей (нации, народности), а с нижних, наиболее древних этажей, т. е. строить здание как бы с «нулевого цикла», моделируя сложнейший процесс развития иерархии этносоциальных структур и усложнение форм этнических общностей в реальной природной и историко-культурной обстановке.

Можно отметить ряд мелких недостатков. Так, вряд ли целесообразно применять по отношению к охотникам-собирателям термин «кочевание». При характеристике бушменов автор в отдельных случаях использовал несколько устаревшие данные. Так, к бушменам не могут быть отнесены народы (с. 127), язык которых входит в центрально-койсанскую (готтентотскую) группу.

² См. Крупник И. И. Экологический баланс в традиционном промысловом хозяйстве//Экологические проблемы сельского хозяйства. М., 1978. С. 51—53.

Можно сделать и некоторые критические замечания по поводу глав VI и VII, где рассмотрены археологические материалы, характеризующие огромный период палеолита и переход к производящему хозяйству в неолите. Здесь автор чувствует себя менее свободно, чем в главах этнографических. Сложнейшие вопросы становления человечества освещены им довольно схематично. Он, конечно, совершенно прав в утверждении, что самые ранние этапы истории первобытной общины теперь можно восстановить, лишь опираясь на данные археологии. Но и данные археологии не могут без этнографических параллелей дать полное представление о формах общественной организации и образе жизни людей далекого прошлого. В то же время возможности этнографических моделей ограничены, их нельзя механически переносить в прошлое, как справедливо пишет автор (с. 203).

Исходя из общего теоретического положения, что человеческое общество отделяет от животного мира организованный определенным образом человеческий труд, автор приходит к выводу о том, что общинные структуры (протообщина) должны были возникнуть с возникновением самого человеческого общества как коллективы тружеников, совместно добывающих средства к существованию. По его мнению, на протяжении истории первобытного общества менялись лишь формы общины, но сама она сохраняла значение основного социально-экономического института (с. 204).

Для выявления ведущих тенденций в развитии первобытной общины автором привлечены археологические данные, характеризующие древнейшие жилища и поселения. Данные эти фрагментарны и позволяют выявить лишь некоторые общие тенденции постепенного усложнения пространственной организации и структуры социальных связей, формировавших вначале протообщину, а позднее и общину охотников-сборателей верхнего палеолита.

Последняя глава посвящена возникновению производящего хозяйства и соответствующим переменам в обществе. Автор справедливо акцентирует внимание на кумулятивном характере развития культуры, что отчетливо проявляется при переходе от присваивающей экономики к производящей. Его интересуют прежде всего социальные последствия этого перехода, необходимой предпосылкой которого являлась если не оседлость, то известная стабильность, устойчивость социальной структуры, связь социума с определенной территорией (с. 249). Автор попытался проанализировать, как постепенно менялась структура доземледельческой общины, перестраивались внутри нее хозяйственные и половозрастные группы, менялись формы социальной адаптации, постепенно менялась и вся социальная структура.

Переход к земледелию и скотоводству сопровождался коренными хозяйственно-культурными преобразованиями в образе жизни людей. Это был длительный процесс, который занял несколько тысяч лет как в Старом, так и в Новом Свете. Это был и процесс формирования новых хозяйственно-культурных типов, о чем автор, к сожалению, не упомянул в данной главе.

Сделанные мной критические замечания по поводу некоторых, в основном частных, погрешностей в книге В. Р. Кабо, однако, не умаляют ее больших достоинств. Исследование В. Р. Кабо представляет собой серьезный вклад и в историю первобытной доземледельческой общины, и в теорию этноса.

Б. В. Андрианов

НАРОДЫ СССР

Этнографія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез і этнічная гісторыя. Мінск. 1985. 215 с. 1 л.

Проблемы этногенеза и этнической истории народов чрезвычайно важны для исторической науки. Появление научных исследований о развитии белорусского этноса является весьма важным и с точки зрения разработки общих вопросов восточнославянского этногенеза. Актуальность исследований по этой проблеме усиливается и тем, что до последнего времени в историографии существовали различные мнения о путях формирования этнокультурной специфики белорусов.

Среди новых работ, посвященных проблемам этногенеза и этнической истории белорусов, несомненный интерес представляет коллективный труд белорусских этнографов «Этнография белорусов: историография, этногенез и этническая история». Книга является первым в своем роде обобщающим исследованием, где на основе новейших методологических и теоретических положений изложены важнейшие вопросы этнической истории белорусского народа. Хронологические рамки исследования охватывают период от распада древнерусской народности до наших дней.

Анализ процессов становления и развития белорусского этноса проведен на широком социально-экономическом, политическом, географическом и культурно-историческом фоне. В качестве основных групп источников авторы использовали исторические материалы XIV—XVIII вв., историографические разработки XIX—XX вв., архивные документы XIX—начала XX в. и 20—80-х годов XX в., а также полевые этнографические наблюдения и материалы этносоциологических исследований населения БССР. Материал монографии анализируется как в синхронном, так и в диахронном временных срезах.